

ТРИ ВОПРОСА МОЛОДЫМ

1. Каков твой вклад на ленинской трудовой вахте?

2. Рабочая смена закончилась. Чем живешь потом?

3. Что в твоих планах на оставшееся до ленинского юбилея время?

Отвечает бригадир оперативно-информационного участка цеха технологической диспетчеризации Вячеслав БЕЛЯККИН.

ФОТОТЕЛЕГРАФНЫЕ аппараты на комбинате, можно сказать, не новшество. Внедрение их облегчает труд, поэтому ими охотно пользуются в цехах.

Наша бригада, которая существует немногим более года, сейчас занимается восстановлением фототелеграфных аппаратов, которые необходимо установить еще во многих цехах. Эти аппараты прибыли к нам с завода-изготовителя с кое-какими конструктивными неполадками и к работе в наших «местных» условиях не подходят. Поэтому задача бригады — переделать их согласно новым конструктивным схемам, с чем, как мне кажется, мы неплохо справляемся.

В наш цех приходят молодые рабочие и моя обязанность, как бригадира, технически готовить людей к новому профилю работы. К тому же я отвечаю за исправность работы рапортной системы.

Я ПРОФГРУПОРТ оперативно-информационного участка. Если кто-то из рабочих заболел, я должен проверить, был ли страждущий у больного на дому. К тому же я член бюро цехового комитета комсомола. Поскольку я учусь в школе рабочей молодежи, меня обязали следить за посещаемостью занятий учащихся нашего цеха в школе.

У меня семья, которой тоже надо уделять время. Дочурке всего четыре месяца, а вокруг нее «забот — полон рот». Раньше, когда еще учился в техническом училище, я все свободное время отдавал давнишнему моему увлечению — радиотехнике. Проигрыватель самостерил собственными руками. Теперь же все это пришлось — надеюсь, что временно — отложить в сторону.

НА ЭТОТ ВОПРОС ответ один — как можно лучше подготовиться к государственным экзаменам на аттестат зрелости, чтобы летом поступить в радиотехнический институт. Ведь это теперь главное в моей жизни — учеба. Ей я отдаю почти все свое свободное время. Сейчас я на собственном опыте узнал, как тяжело работать без образования. Как ни трудно совмещать учебу с работой, а учиться в институте я обязательно буду.

ФОТОЛЕНИНИАНА

В НАЧАЛЕ декабря прошлого года в одном из цехов комбината шло обычное профсоюзное собрание по подведению итогов работы цеха за месяц.

Как всегда, на собрании говорили о трудностях в работе, о задачах на будущее, определили лучшую бригаду. Не было новизны и в том, что вслед за подведением итогов обсуждался проступок молодого слесаря (в жизни любого коллектива, пожалуй, есть свои «пятна»). Большинство участников собрания проголосовало за строгий выговор. Решение, как и полагается в таких случаях, внесли в протокол.

Но спустя некоторое время работники цеха узнают, что молодой слесарь наказан иначе, согласно решению... товарищеского суда. Никто ничего не мог понять, почему вдруг — товарищеский суд. Рабочие пожалели плечами, недоумевали, обсуждали происходящее, как водится в таких случаях, между собой. Народ поговорил, повозмущался, да так и не дождался разъяснений свыше — все как будто бы сгладило время...

В первых числах января опять-таки на профсоюзном собрании подводились итоги месячной деятельности цеха. Работа двух бригад была признана лучшей. Право решить, какой из них возглавить соревнующихся, было предоставлено коллективу. Бригада мастера Ю. была признана лучшей.

Через длительное время труженики цеха, наконец, получили возможность узнать из приказа, что согласно решению коллектива первое место во внутривагонном соревновании присвоено бригаде мастера... П., т. е. другой бригаде. И вновь в коллективе пошла слухи, и вновь пошла догадка.

Казалось бы, руководству цеха, партийной и профсоюзной организациям следовало во избежание различных кривотолков просто-напросто объяснить коллективу причины подобных метаморфоз. Но «треугольник» молчал, а в коллективе тем временем происходило расхождение: одни были безразличны, другие недоумевали, третьи начинали потихоньку роптать (это был коллектив бригады, которой вначале присудили первое место). Неизвестно, чем бы все это кончилось, если бы однажды не решил мастер бригады, недолго побывавшей в передовых, написать письмо в редакцию.

ПИСЬМО

«Кто за кого решает» — так озаглавил его автор.

Рассказывая о том, какое решение было принято на первом собрании, автор назвал фамилию заместителя начальника цеха, человека, виновного, по его мнению, в том, что решение собрания было игнорировано.

Придя в цех, я не застал там ни секретаря партбюро, ни автора письма. Меня встретил заместитель начальника цеха.

— Что, кляуза? — больше утверждая, чем спрашивая, обратился он ко мне. Я подивился догадливости этого человека. Верно, имел он все

ней организаций, стал самостоятельно расследовать вину заместителя начальника цеха (в чем был убежден).

И завязался клубок. Видя все это, секретарь партбюро ничего практически не предпринимай, так как, по его словам, заявление от мастера в партбюро не поступало, а слов к делу не пришьешь.

Подспудная суэта мнений отрицательно сказывалась на работе. Около месяца разговор в цехе все чаще касался отношений мастера и заместителя начальника цеха. Оба они уже готовы бы-

летворен, возбужден и возмущен этим? Где уж тут до этики!

Вот здесь-то и должны были сказать свое слово коммунисты, ведь мастер — кандидат в члены КПСС. Да и если бы не кандидат — все равно: коммунисты, партбюро, секретарь партийной организации обязаны в таких ситуациях быть чуткими, справедливыми, вовремя разобраться во всем самим и разъяснить коллективу, что и как.

Неопределенность всегда помимо того, что вызывает

ей ведущее место в соревновании, и что профбюро имеет право изменить решение собрания. Действительно, профбюро правомочно утверждать или изменять решение собрания. Но, изменив решение собрания, бюро расписалось в полнейшем неумении руководить соревнованием в цехе. На голосование коллектива должна выдвигаться та бригада, работа которой предварительно проанализирована.

А что получилось? Бригада выдвинута, коллектив голосует за присвоение ей первого места, а профбюро после этого собирается, обсуждает и находит — бригада не заслуживает быть на первом месте. Составляется решение. А коллектив не собирают, не говорят ему, почему, по какой причине решение собрания изменено.

Возмущение мастера еще более усилилось. Он даже начал сомневаться в том, состоялось ли действительно заседание профсоюзного бюро, ему казалось, что изменение решения — дело рук заместителя начальника цеха. Его убеждали в том, что заседание было и что бюро имеет право и т. д.

А коллектив? О нем забыли, о нем не помнили. Видели только мастера и заместителя начальника цеха.

Нервоз длился в течение двух месяцев. Трудно изменить, какой вред цеху принесли эти споры, разногласия, но несомненно одно — принесли. Хотя всему этому можно было положить конец сразу, если бы...

БЕЗ ПРОТОКОЛА, без решения шел разговор между начальником цеха, его заместителем, секретарем партбюро, председателем цехкома и автором письма. Говорили начистоту.

Домой возвращались поздно, часу в девятом. Шли все вместе. Каких-то два часа понадобилось для того, чтобы стало вдруг легко и свободно, чтобы враз исчезла тяжесть, чтобы выяснили личные взаимоотношения и подумать о коллективе. Подумать о том, что там тоже ждут разъяснений, что там прежде всего необходимо сказать правду, извиниться и не просто признать свои ошибки, а умно и тактично сделать все для того, чтобы радость труда ничем не омрачалась.

Я намеренно не назвал цех, где все это произошло, фамилии участников конфликта, потому что, как говорится, инцидент исчерпан. Однако написать о конфликте стоило. **В. КУЧЕР,**

Когда молчит • КОНФЛИКТ В ЦЕХЕ „треугольник“

основания предполагать, что стнюдь не для того, чтобы узнать о передовиках производства, пришли к нему из газеты.

Дождав секретаря партбюро и автора письма, я пошел в цех, чтобы поговорить с рабочими. Стало ясно, что о случаях подмены коллективного решения здесь хорошо знают, но толком никто ничего не знает. Вскоре пришел секретарь. Мы разговорились...

А еще через несколько дней в кабинете начальника цеха состоялся откровенный непринятый разговор между автором письма, начальником цеха, заместителем начальника, секретарем партбюро и председателем цехкома...

СЛЕДСТВИЕ КРИТИКИ

Не каждый мастер выступит с критикой цехового «треугольника», под началом которого он работает. Автор письма выступил. Выступил на январском профсоюзном собрании и указал на факты грубейшего нарушения Устава товарищеского суда, явного попираательства коллективного мнения. Но руководители цеха вместо того, чтобы по-человечески разобраться, прав или не прав мастер, выкинуть в суть критики, остались глухи к ней. Правда, глухота эта обернулась тем, что заместитель начальника цеха стал придирчиво фиксировать все промахи в бригаде автора письма. В свою очередь мастер, не нашедший поддержки у руководства цеха, партийной и профсоюз-

ли признать друг друга врагами.

СПРАВЕДЛИВА ЛИ БЫЛА КРИТИКА?

Товарищеского суда в действительности не было. Об этом знали все участники собрания. Значит, и решение суда не могло быть. А оно появилось. Появилось с легкой руки заместителя начальника цеха.

Допустим, что была необходимость пересмотреть решение профсоюзного собрания, но тогда должен был засесть товарищеский суд и свое решение довести до коллектива, обстоятельно объяснив всем, чем была вызвана замена.

Мастер потребовал объяснений. Руководство цеха отнеслось к критике субъективно, решив, что мастер из каких-то своих, корыстных побуждений требует разбирательства. Мастера обвинили в том, что он поступает неэтично, не как руководитель, критикуя начальство при всем коллективе. Мастер же не хотел вести себя, как руководитель, и упорно продолжал усердствовать, справедливо добываясь правды. И даже на партийном собрании с повесткой «Глубокое изучение марксистско-ленинской теории» — каждому коммунисту» он взял слово и опять (в который раз!) стал говорить о невнимании к критике. Конечно, на первый взгляд выступление мастера на этом собрании неуместно, не выдержано в духе повестки. Но что прикажете делать, как поступать, если нет внимания к тебе, а ты неудов-

дусмысленность, кривотолки, разговоры и разговорчики, слух и сплетни, способна озлобить одних, сделать жертвой других. История с заменой коллективного решения, принятого на декабрьском профсобрании, полностью повторилась на январском рабочем собрании. Часть рабочих цеха и весь управленческий аппарат расценили критические замечания мастера как удачную замаскированную попытку «горлом» вернуть бригаде утраченное первенство в соревновании, как паразитическую замену скромности, как проявление его личного эгоизма, как своеобразный психологический «ход конем». Не знаю, может быть, действительно исходил мастер из каких-то личных побуждений. Но какой, скажите, мастер, уважающий себя и свой коллектив, спокойно отнесется к тому, какое место займет бригада в соревновании; тем более если уже коллективно решили — быть этой бригаде лучшей, а потом без всяких разъяснений вдруг присуждается первенство другому коллективу. Тут поневоле сорвешься. Но мастер не сорвался — он просто добивался истины. И если стремление к истине явилось личным побуждением к критике — так что же тут преступного?

Руководство цеха мотивировало замену решения тем, что после дополнительного анализа на заседании профбюро были вскрыты недостатки в работе бригады, которые не позволяли занять